

10.46272/2587-8476-2021-12-2-7-11

Новая заря Востока?

В декабре 1988 года в беседе с индийским премьер-министром Радживом Ганди Дэн Сяопин констатировал: «Ни один подлинно азиатско-тихоокеанский или азиатский век не может наступить до тех пор, пока Китай, Индия и другие соседние страны не будут развитыми. Точно так же не могло бы быть латиноамериканского века без развитой Бразилии». Более того, архитектор китайских реформ предложил тезис о совместной ответственности Пекина и Дели за их развитие перед человечеством. «Почему так? Потому что две наши страны имеют население 1,8 млрд человек, что составляет более трети от всего населения мира», – резюмировал он¹.

За последние три с небольшим десятилетия в международной политике произошли тектонические сдвиги. Биполярная система перестала существовать, а Индия и Китай, словно реализуя заветы Дэн Сяопина, выдвинулись на первые роли в мире. И если в начале XXI века Пекин и Дели демонстрировали прежде всего экономические амбиции, то сегодня без учета позиций этих государств проблематично выстраивать любые конфигурации в сфере региональной и международной безопасности. В то же самое время США и их союзники, убедившись по окончании холодной войны в том, что их ценности, политическая организация и экономическая модель способны стать универсальной международной повесткой дня, с каждым годом демонстрируют все меньше готовности нести бремя ответственности за поддержание стабильности и урегулирование различных кризисных ситуаций. Самым ярким доказательством этого стал уход США из Афганистана, а также хаотизация Ближнего Востока – региона, который Вашингтон долгие годы рассматривал как своеобразный полигон по проверке теории и практики демократизации².

Как следствие, рост популярности дискурса о «пробуждении Азии» и наступлении в мировой политике «азиатского века» не только в ведущих мировых медиа, но и в академической литературе. Известный сингапурский исследователь и дипломат Кишор Махбубани обосновывал тезис о «сдвиге мирового центра

1 "A New International Order Should Be Established With The Five Principles Of Peaceful Coexistence as Norms," December 21, 1988, accessed July 21, 2021, <http://en.people.cn/dengxp/vol3/text/c1930.html>.

2 Dalacoura, Katerina. "US Democracy Promotion in the Arab Middle East since 11 September 2001: A Critique." *International Affairs* 81, no. 5 (October 2005): 963–79. doi:10.1111/j.1468-2346.2005.00497.x.

силы» с Запада на Восток апелляциями к высокому темпу экономического роста Индии и КНР. По его оценкам, такой взрывной рост не имел прецедентов в истории¹. Параг Ханна определил двадцать первый век как «азиатский», а основной мировой тенденцией будущего считает «азиатизацию» (в противоположность «европеизации» девятнадцатого и «американизации» двадцатого столетия). Но, по его мнению, возвышение Востока сегодня происходит не только благодаря технологическим достижениям, но и в том числе возвращению Азии к своим культурным моделям, «которые процветали задолго до европейского колониализма и американского господства»². С намного большей нюансировкой о «новом веке» в мировой политике высказался Амитав Ачария. В своей фундаментальной книге «Конец американского мирового порядка» он пришел к выводу о «мультиплексном мире», который придет на смену глобальной гегемонии США. В новом раскладе азиатский фактор будет весьма значимым. Однако, по мнению Ачарии, такие проекты общемирового значения, как «Один пояс – один путь», вряд ли смогут сделать КНР глобальным лидером на том уровне, на каком были США после холодной войны или Великобритания, когда она считалась «мастерской мира»³.

Но означает ли упадок американоцентричного мира приход «эры бесположности», как определял ее Ричард Хаас⁴, неизбежность «азиатизации»? Думается, ответ на этот вопрос совсем не так прост, как кажется на первый взгляд. Амитав Ачария справедливо замечал, что отсутствие глобальной гегемонии одного из игроков не отменяет ни неравенства ресурсов, ни порождаемой этим иерархичности, в то время как увеличение игроков на мировой арене не делает ситуацию стабильной и предсказуемой⁵. По мнению премьер-министра Сингапура Ли Сянь Луна, написавшего для *Foreign Affairs*, «страны Юго-Восточной Азии [...] обеспокоены тем, что, находясь в точке пересечения интересов крупных держав, могут оказаться меж двух огней и будут вынуждены делать трудный выбор. Статус-кво в Азии должен измениться. Но будет ли новая конфигурация способствовать дальнейшему процветанию или принесет опасную нестабильность?»⁶.

И здесь самое время критически посмотреть на построения Парага Ханны по поводу возвышения Азии. Ведь внутри этого конструкта, под которым понимают либо в узком смысле страны Азиатско-Тихоокеанского региона, либо широкие географические пространства, начиная от Дальнего и заканчивая Ближним Востоком, имеются значительные противоречия. И многие из них связаны не только с американским гегемонизмом или европейским влиянием. Не говоря уже о значительных этно-конфессиональных и ценностных различиях между азиатскими странами.

Доминированием США по-своему недовольны Китай, Индия, Иран, Турция, Пакистан. Но представить себе их коалицию, объединенную общей стратегией и

1 Mahbubani, Kishore. *The New Asian Hemisphere: the Irresistible Shift of Global Power to the East*. N.Y.: Public Affairs, 2008.

2 Khanna, Parag. *The Future Is Asian: Commerce, Conflict, and Culture in the 21st Century*. N.Y.: Simon & Schuster, 2019.

3 Acharya, Amitav. *The End of the American World Order*. Cambridge: Polity, 2018. P. XI–XII, 16.

4 Haass, Richard N. "The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance." *Foreign Affairs* 87, no. 3 (2008): 44–56.

5 Acharya 2018, 16.

6 Lee Hsien Loong, "The Endangered Asian Century. America, China, and the Perils of Confrontation," *Foreign Affairs*, July–August 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-06-04/lee-hsien-loong-endangered-asian-century>.

системой ценностей, весьма проблематично. Ведь что бы кто ни говорил о закате либерального миропорядка, а Запад по-прежнему сохраняет значимые военные и технологические позиции, в торговле с ним заинтересованы и те, кто готов не принимать его ценности и не соглашаться с его ролью мирового жандарма. Как бы ни мешали США турецкому геополитическому ревизионизму на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, а Анкара не собирается выходить из НАТО. Как бы ни были близки позиции Дели, Москвы и Пекина по многим стратегическим проблемам, российско-китайско-индийский альянс пока видится скорее как привлекательная перспектива или альтернатива натовскому доминированию, но не как реально работающая система. И не в последнюю очередь потому, что кооперация с Западом даже поверх имеющейся конфронтации остается важным приоритетом для Индии, КНР и России.

О растущих противоречиях между США и КНР в регионе АТР и за его пределами сегодня говорят многие политики, дипломаты, исследователи¹. Однако внутри самой Азии есть игроки, заинтересованные в сохранении особых отношений с Вашингтоном, начиная от Японии и заканчивая Республикой Корея. И здесь «реальная политика» означает никак не меньше (если не больше), чем культурно-цивилизационную солидарность.

Впрочем, принимая во внимание этническую и конфессиональную пестроту Востока, наряду с запросом на интеграционные проекты мы наблюдаем и резкий всплеск националистических настроений, отягощенных спорами об исторической (не)справедливости. По справедливому замечанию российского востоковеда Дмитрия Стрельцова, «“призраки прошлого” проявляются и в давнем споре, являлась ли Корея на различных этапах своего исторического пути самостоятельным государством или была лишь периферией Великого Китая (этот спор, как известно, имеет и конкретное внешнеполитическое измерение). Историческая память затрагивает и сферу исторического наследия Второй мировой войны, выплескиваясь наружу в виде исключительно болезненной реакции восточноазиатских стран на посещение японскими политическими лидерами храма Ясукуни², издания в Японии “неправильных” исторических учебников и т.д.»³.

Следовательно, признание заката (или провала) *Pax Americana* не тождественно наступлению некоего «азиатского века» или неизбежности «азиатизации». Однако повышение международной политической конкуренции посредством роста амбиций различных игроков налицо. Как и их стремление не быть статистами, а самим принимать участие в выработке и реализации решений по ключевым проблемам мировой повестки. И эти устремления – отнюдь не только ноу-хау Китая или Индии. В той или иной степени о своем особом видении ситуации на международной арене последовательно заявляют Иран, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия.

- 1 Труш, С.М. КНР–США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – № 50 (12). – С. 45–61; Zhao, Minghao. “Is a New Cold War Inevitable? Chinese Perspectives on US–China Strategic Competition.” *The Chinese Journal of International Politics* 12, no. 3 (September 1, 2019): 371–94.
- 2 Синтоистский храм, построенный в 1869 году. Среди тех, кто почитается в этом святилище, есть несколько японских военачальников, признанных международным трибуналом военными преступниками. Как следствие, повышенный интерес к любым церемониям, проводимым в этом храме.
- 3 Стрельцов, Д.В. Национализм и «новая биполярность» в Восточной Азии // Портал МГИМО. 12 ноября 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/229006/> (дата обращения 21.07.2021).

Второй номер журнала «Международная аналитика» посвящен рассмотрению основных трендов в странах Востока в постбиполярный период. В статье Яны Лексютинной представлена эволюция американско-китайских отношений после завершения холодной войны. По мнению автора, нынешняя фаза в отношениях Вашингтона и Пекина уникальна тем, что Китай начинает восприниматься в истеблишменте США как главный конкурент и едва ли не как экзистенциальная угроза их интересам.

Два текста нового номера посвящены ситуации на разделенном Корейском полуострове. Статья Андрея Ланькова обращена к феномену КНДР. На закате Советского Союза и в первые постсоветские годы не было недостатка в прогнозах относительно «конца истории» для Пхеньяна. Однако повторения германского сценария на азиатской почве не произошло. И КНДР оказалась интересной не только с точки зрения особенностей ее социально-экономической и внутривнутриполитической динамики, но и как внешнеполитический феномен. В статье Константина Асмолова и Александра Соловьева рассматривается внешнеполитическое позиционирование Республики Корея (Южной Кореи). Авторы исследуют конструкт «стратегической автономии», являющийся важным элементом политической идентичности Сеула. Они пытаются поместить свой кейс в общий контекст дискуссии о «средних державах».

Сложные траектории российско-японского диалога вокруг урегулирования территориальной проблемы анализирует Олег Парамонов. Автор дает сравнительный анализ ожиданий Токио от Москвы на протяжении последних тридцати лет и показывает, что просчеты в формировании запросных позиций неизбежно приводили к неудачам в попытках достижения взаимовыгодных компромиссов.

Ксения Ефремова рассматривает опыт использования «нормативной власти» (понятия, традиционно применяемого для анализа процессов европейской интеграции) Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Автор утверждает, что это интеграционное объединение также пытается транслировать свои нормы и ценности по всему миру.

Эволюции индийской внешней политики в постбиполярную эпоху посвящена статья Алексея Куприянова и Глеба Макаревича. По мнению авторов, завершение холодной войны подтолкнуло индийское руководство к «смене вех» на международной арене. В Нью-Дели стали ориентироваться на выживание в однополярном мире и интеграцию в полицентричный мир в случае неустойчивости модели американского гегемонизма. Особое внимание авторы уделили формированию крепкого экономического базиса, позволившего Индии уверенно отстаивать и продвигать свои интересы за пределами страны.

В ноябре 2020 года в Закавказье был резко изменен региональный статус-кво. Азербайджан при военной помощи и дипломатической поддержке Турции вернул под свой контроль значительную часть территории, утраченной в ходе этнополитического конфликта с Арменией в начале 1990-х годов. Во втором номере «Международной аналитики» эволюции внешнеполитического курса Анкары и Баку за последние тридцать лет посвящены статьи Павла Шлыкова и Ровшана Ибрагимова. Оба автора говорят о связи внутренних трансформаций в Турции и в Азербайджане с изменениями внешнеполитических приоритетов. Ибрагимов особое внимание уделяет карабахскому фактору в азербайджанской

политике, тогда как Шлыков связывает эволюцию турецкого курса с определенными изменениями ценностных подходов в руководстве страны.

Статьи Славомира Горака и Ильи Подобеда посвящены проблемам Центральной Азии. В определенной мере можно говорить о том, что они продолжают основную тему первого номера, посвященного последствиям распада СССР. Горак рассматривает внешнюю политику Туркменистана сквозь призму особенностей персоналистского режима. Сравнение правлений Сапармурата Ниязова и Гурбангулы Бердымухамедова, по мнению автора, говорит о преемственности политической культуры и системы в этой стране. Подобед фокусируется на внешней политике Киргизии. Он рассматривает международный курс Бишкека как производную от социально-экономической динамики.

В новом номере предпринята попытка представить панораму процессов в Азии после распада СССР и завершения холодной войны. Часть текстов охватывает ситуацию в регионе АТР, другие статьи обращены к эволюции индийской внешней политики, международным приоритетам Турции, а также ряда новых независимых государств постсоветского Востока. Представленные материалы, конечно же, не исчерпывают всего многообразия проблем. Новая роль Азии в современных мировых процессах была и будет одной из ведущих тем журнала.

С.М. Маркедонов, главный редактор